

ИЛЬЯ САЛОВ

ГРАЧЕВСКИЙ
КРОКОДИЛ

Илья Александрович Салов

Грачевский крокодил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=623805

Аннотация

«...на днях, неподалеку от усадьбы помещицы Анфисы Ивановны Столбиковой, при деревне Грачевке, в камышах реки, носящей то же название, появился крокодил. Первое известие об этом было подано крестьянкою Матреной Ивановой Молотовой, которая объявила сельскому старосте, что часов в шесть утра она стирала на реке белье, неподалеку от того места, где река Грачевка образует песчаную отмель ... Статья между тем была перепечатана в столичных газетах, и весть о крокодиле распространилась...»

Содержание

I	4
II	11
III	17
IV	30
V	33
VI	42
VII	47
VIII	53
IX	56
X	61
XI	67
XII	70
XIII	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Илья Александрович Салов

Грачевский крокодил

*...Кто что ни говорит, а подобные происшествия
бывают на свете, — редко, но бывают.
Гоголь.*

I

В местной газете «Кнутик» была напечатана следующая корреспонденция:

«М. г., господин редактор! Спешу уведомить вас, что на днях, неподалеку от усадьбы помещицы Анфисы Ивановны Столбиковой, при деревне Грачевке, в камышах реки, носящей то же название, появился крокодил. Первое известие об этом было подано крестьянкою Матреной Ивановой Молотовой, которая объявила сельскому старосте, что часов в шесть утра она стирала на реке белье, неподалеку от того места, где река Грачевка образует песчаную отмель и где обыкновенно купается племянница Столбиковой, Мелитина Петровна. Все было тихо. Мелитина Петровна, искупавшись, ушла домой, как вдруг плававшие возле берега гуси с криком бросились в сторону, чем-то перепуганные, захлопали крыльями и вылетели вон из реки. Удивленная Молотова бросилась к тому месту, желая убедиться, не скрывалось ли что-

либо в камышах, но ничего не нашла; в некотором же расстоянии по направлению к лесу, примыкающему к камышам, слышался торопливый треск, как будто по камышам что-то поспешно ползло, желая скрыться, и видно было, как по направлению этого треска камыши распадались направо и налево. Получив об этом извещение, сельский староста пригласил с собою сотского и понятых, отправился на место происшествия и нашел, что возле того места, на котором купается обыкновенно Мелитина Петровна, камыши сильно помяты, как будто там кто-нибудь валялся. От места этого по тем же камышам, по направлению к лесу, шла чуть заметная тропа. Староста отправился по этой тропе, но вскоре принужден был воротиться, так как тропа исчезла и, сверх того, он дошел до такой трясины, что втискался в нее по пояс и дальнейшие исследования принужден был прекратить. Составив об этом акт и скрепив его по безграмотству приложением должностной печати, староста представил таковой Рычевскому волостному правлению, но правление, не обратив должного на документ этот внимания, вместе с другими бумагами бросило его в печку. В тот же день, часов в семь вечера, возвращавшиеся с покоса крестьянские девицы деревни Грачевки затеяли купаться. Девушки разделись и бросились в воду. Утомленные дневным зноем, они плавали на спине, брызгались водой, как вдруг из камышей, возле которых они были, раздался пронзительный крик и вслед за тем скрежет зубов! Девушки ахнули, выскочили из воды и, бо-

ясь подойти к своему платью, которое лежало как раз возле того места, откуда раздался крик, бросились, как были, в деревню и явились к старосте. Староста дал им приличное наставление и, в видах предупреждения на будущее время несчастий, строго запретил жителям деревни Грачевки купаться в реке. На другой день утром пономарь села Рычей удил на том месте рыбу, а когда взошло солнце и клев прекратился, пономарь задумал искупаться. Ничего не слыжавший о происшедшем накануне, он преспокойно разделся и опустил в воду. Не умея плавать, он присел на корточках возле самого берега и стал умывать лицо, как вдруг кто-то уцепил его сзади за косичку и вытащил на берег... Что было далее, пономарь не помнит, так как в то же мгновение потерял сознание, в каковом положении и был найден лежащим в камышах. Считаю излишним описывать ужас, которым был объят весь наш околоток! Разговорам не было конца. Начали появляться добавления... Так, например, земский фельдшер Нирыют, ходивший на охоту, видел в реке Грачевке что-то плывшее по воде, темнокоричневого цвета, сажени в две длиною, стрелял в это чудовище, но, повидимому, не нанес ему никакого вреда. Рыбак Данила Седов, расставлявший ночью сеть и плывший по этому случаю на маленьком челноке, был кем-то опрокинут совсем с челноком, так что насилу выбрался на берег, Все это вместе взятое увеличивало еще более ужас. К тому месту, где чаще всего появлялось чудовище, был приставлен караул; караулили день и ночь, но

чудовище, как нарочно, не появлялось. Так прошло недели две, умы стали успокаиваться; порешили, что чудовище куда-нибудь переместилось, и караул был снят, как вдруг новое происшествие опять переполошило всех!.. Пропал без вести мальчик лет семи, сын грачевского крестьянина Ивана Мотина, Василий, платье которого было найдено на берегу, на той самой песчаной отмели и возле тех самых камышей, где столько раз появлялось чудовище. Сначала думали, что мальчик, купаясь, утонул, но если б он утонул, то найден был бы труп его. Между тем все средства, употребленные к отысканию трупа, остались напрасными: бродили сетями, пускали горшки с ладаном, но дымящиеся горшкиплыли себе по течению реки и нигде не останавливались...¹ Наконец бросили и порешили, что несчастный был жертвою неведомого чудовища! Однако надо же было узнать наконец, что это за чудовище, и приискать средства для избавления себя от него!.. Разрешение всего этого принял на себя наш добрый и просвещенный учитель сельской школы, г. Знаменский, в короткое время успевший приобрести своими неутомимыми педагогическими трудами общую любовь и уважение, которые, то есть труды, к несчастью остаются незамеченными лишь только одним членом училищного совета, не представившим даже г. Знаменского к награде. В тот же день, когда исчез ребенок, г. Знаменский, пригласив с собою сотского

¹ В народе существует поверье, что горшок с ладаном, пущенный на воду, остановится над трупом утопленника. (Прим. автора.)

и нескольких стариков, отправился на театр описанных ужасов. Часов в восемь вечера они были уже на песчаной отмели, но так как увидали, что там купалась Мелитина Петровна, тщательно вытираясь намыленной губкой и погружая в воду грудь свою, то, понятно, чувство скромности заставило их обождать, когда она кончит купанье и оденется. Действительно, Мелитина Петровна вышла из воды и скрылась в камышах, а немного погодя, уже одетая и с зонтиком в руке, она шла по дороге, ведущей в усадьбу тетки, Анфисы Ивановны Столбиковой. Тогда г. Знаменский подошел к тому месту, где купалась Мелитина Петровна, но только что успел он войти в камыши, как вдруг раздался оглушительный треск и что-то поспешно бултыхнуло в воду, обдав его брызгами и скрывшись под водой. В это время подбежали к г. Знаменскому сотский и старики, но в камышах уже ничего не было! Тем не менее г. Знаменский начал исследовать местность с целью отыскать хоть какие-нибудь следы ребенка, но вместо того поднял только окурок папироски, а сотским найдены чьи-то пестрые панталоны, парусинный пиджак, фуражка, ситцевая рубашка и сапоги. Все это немедленно было предъявлено сотским г. Знаменскому, который и признал принадлежность этой одежды сыну священника села Рычей Асклипиодоту Психологову. Ужас овладел всеми!.. Неужели же и Асклипиодот, подобно ребенку, сделался жертвою чудовища?.. Все немедленно отправились в село Рычи к священнику, отцу Ивану, и ужас их увеличился еще

более, когда они узнали, что Асклепиодота не было дома!.. И только вечером, когда уже достаточно стемнело, г. Знаменский встретил Асклепиодота в лавке Александра Васильевича Соколова. Увидав свое платье, Асклепиодот очень обрадовался и рассказал подробно, что, купаясь в реке Грачевке, он чуть было не сделался жертвою огромного крокодила, от которого спасся единственно благодаря своему превосходному уменью плавать и нырять. Крокодил, которого Асклепиодот видел собственными своими глазами, имел в длину сажени три, тело его на спине покрыто роговыми щитками, по середине представляющими возвышение. Язык короткий; челюсти вооружены многочисленными зубами, имеющими вид клыков. Сверху крокодил коричнево-бурый, снизу грязно-желтый. В воде движения его весьма быстры, так что Асклепиодоту стоило большого труда увертываться от его нападений; на земле же движения эти немного вялы. Увидал он крокодила в камышах, когда сам был в воде, поэтому и принужден был покинуть свою одежду. Крокодил долго смотрел на него, разинув пасть и как бы прицеливаясь в него, а немного погодя даже ринулся в воду, но Асклепиодот нырнул и тем только избавился от пасти крокодила! Итак, тайна разъяснилась, и чудовище, наделавшее столько ужаса, оказалось крокодилом! Этим заканчиваю я свое письмо, но уверен, г. редактор, что в скором времени вы получите от меня более подробное описание крокодила, так как нам известно, что г. Знаменский принял энергические меры к поимке

ХИЩНОГО ЗЕМНОВОДНОГО».

II

Статья эта, писанная, как говорят, самим г. Знаменским, переполошила весь околоток. Дали знать становому, который немедленно прискакал, опросил крестьянку Молотову, шесть крестьянских девиц, рычевского пономаря, фельдшера Нирыюта, Асклипиодота Психологова и многих других и произведенное дознание препроводил по принадлежности. Крестьяне принялись ставить вентера, взад и вперед бродили по реке, делали в камышах облаву, но крокодила не было. Редакция газеты «Кнутик» командировала в Грачевку специального корреспондента, который вместе с г. Знаменским опускал в реку какие-то стальные крючки с насаженными на них кусками мяса; но все старания поймать крокодила остались тщетными, и корреспондент с чем приехал, с тем и уехал. Статья между тем была перепечатана в столичных газетах, и весть о крокодиле распространилась. Началось приискание всевозможных объяснений. Одна газета высказалась, что это, по всей вероятности, не крокодил, так как крокодилы обитают в жарком климате, а гигантский змей, подобный тому, который не так давно появлялся у берегов Норвегии и который наделал столько тревоги между естествоиспытателями. Принялись за старые книги и порешили, что змей этот заслуживает полной веры, так как таковой был

уже известен грекам и римлянам. Плиний ² и Валерий Максим ³ – оба описали подобное земноводное змееобразное, плававшее первоначально в реках; разрастаясь же в громадных размерах, оно уходило в открытое море, так как только там находило достаточный простор для движения.

Прочитав все это, г. Знаменский вышел из себя и немедленно напечатал статью, в которой доказывал, что газета, заговорив о Плинии и Валерии, потеряла почву и очутилась в мире фантазий, что чудовище, появившееся в Грачевке, не змей, а воистину крокодил, что хотя крокодилы и обитают преимущественно в жарком климате, но из этого не следует еще отрицать возможности появления таковых и в климате умеренном. Если в Грачевку, говорил он, в прошлом году забежало два лося, а с год тому назад была убита альпийская серна; если, наконец, у нас в России проживает столько иностранцев всевозможных климатов, в образе ученых, инженеров, певиц, танцовщиц, гувернанток, поносящих холод сей страны снегов, но тем не менее обретающих в ней обильные пажити, то почему же не жить у нас и крокодилам! Принимая все это в соображение, он протестует противу искажения факта и восстанавливает истину. Действительность присутствия крокодила в Грачевке подтвердит под присягой

² Плиний Старший (Гай Плиний Секунд) (23-79 н. э.) – автор «Естественной истории».

³ Валерий Максим – римский историк I века н. э., составитель сборника исторических анекдотов, предназначенного для ораторов и риторских школ.

проживающий в селе Рычах почетный гражданин Асклипиодот Психологов, который собственными глазами крокодила этого видал, описал его и едва не сделался жертвою этого хищного земноводного.

Но как г. Знаменский ни хорохорился, а газета продолжала настаивать на своем и, обругав г. Знаменского и Психологова невеждами и упомянув даже известную побасенку о свинье и апельсинах, статью свою о морских чудовищах начала с Гомера, описав чудовищного змея, убитого героем греческой мифологии Геркулесом. Затем, упомянув о борьбе змея с китом, виденной капитаном Древаром, о миссионере Гансе Эгедде, о епископе Понтопидаге, о змее, выброшенной на один из Оркнейских островов, имевшей щетинистую гриву, – кончила статью тем, что доктор Пикард в Столовом заливе видел в феврале 1857 года, с маяка, морское чудовище. Оно спокойно расположилось в море в ста пятидесяти шагах от берега; Пикард стрелял в него, но дал промах; 14-го же апреля чудовище приблизилось к мели, где, вероятно, хотело поиграть на солнце, но было замечено шотландскими стрелками, находившимися в катерах под командой лейтенанта Мессиса и сделавшими по животному залп, на который оно не обратило и внимания; но залпы, без остановки повторявшиеся один за другим, произвели, наконец, свое действие, и змей начал ослабевать, Тогда, зацепив его пасть якорем, семьдесят человек с величайшим трудом притащили его к берегу. Здесь, как бы очнувшись и желая уйти

в море, чудовище начало метаться и рваться, и сила ударов его хвоста была так велика, что оно выкидывало вверх и разбрасывало большие прибрежные камни; один такой камень сильно ушиб человека, а другой выбил окно третьего этажа в гостинице «Каледония».

Другая газета объявила, что все это вздор, что вся эта утка пущена первою газетою с целью заманить к себе этим чудом большее число подписчиков, и в доказательство того, что подобного чуда не существует, привела описание моряка Фредерика Смита, плававшего на корабле «Пекин» и на основании собственных наблюдений объявившего историю о морском змее сказкою. При этом Смит рассказал подробно, что подобное чудовище было изловлено вблизи Мульмейна его моряками, втащено на борт, и мнимое страшное животное оказалось ни больше ни меньше как чудовищною морскою порослью, корень которой, покрытый паразитами, на некотором расстоянии представлялся головою, между тем как вызванные волнами движения придавали ему вид животного тела. Что же касается, прибавляла газета, змея, найденного на берегу одного из Оркнейских островов, то змей тот оказался исполинскою акулой!

Тем не менее к г. Знаменскому по поводу грачевского крокодила посыпались с разных сторон запросы и предложения. «Общество усмирения строптивых животных» даже предложило г. Знаменскому значительную сумму денег, если он живьем доставит в Общество это чудо.

Все это, понятно, еще более возбуждало в г. Знаменском энергию, и он с лихорадочным усилием принялся за поимку животного. Он поил мужиков водкой; продал свою волчью шубу и на вырученные деньги заказал особого устройства сеть, которая могла бы выдержать не только крокодила, но даже слона, и когда сеть была готова, опять купил три ведра водки и собрал целый полк крестьян, которые и явились охотно на зов. В числе явившихся был и Асклипиодот Психологов. Он хлопотал не менее других, указывал то место, где видел крокодила, где последний на него бросился и где именно его преследовал. Сеть запустили, но дело кончилось лишь тем, что все перепились, а крокодила все-таки не было, за что Асклипиодот и обругал всех дураками.

Вдруг пронесся слух, что крокодил пойман и находится в усадьбе Анфисы Ивановны Столбиковой, в особо устроенном вивариуме ⁴, и что крокодила этого кормят живыми ягнятами, которых он глотает, как пилюли, по несколько десятков в день. Бросились все к Анфисе Ивановне, конечно в том числе и Знаменский, но оказалось, что никакого крокодила там не было. Мужики начали толковать, что вовсе это не крокодил, а просто оборотень. Молва эта пошла в ход, встретила приверженцев, а немного погодя сделалась убеждением большинства. Начали подсматривать за некоторыми подозрительными старухами; двух из них изловили ночью где-то в коноплях, и так как старухи не могли объяснить, зачем

⁴ Вивариум – помещение для животных.

именно не в урочный час нелегкая занесла их в конопли, то порешили было волостным сходом закопать старух живыми в землю, но потом сочли возможным наказание это смягчить и ограничиться розгами, каковое решение было немедленно приведено в исполнение, — и старух перепороли.

Поскорбев о таковом невежестве «низшей братии», г. Знаменский распродал значительную часть своего скудного имущества, и, желая поближе познакомиться с привычками и образом жизни крокодилов, а равно вычитать где-нибудь способ ловли таковых, и вспомнив при этом, что крокодилами в особенности изобилует Египет, г. Знаменский немедленно отправился на почту и выписал «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты» Рафаловича, но, как на смех, в книге этой о крокодилах не упоминается ни полслова, и деньги, употребленные на покупку «Путешествия», пропали бесследно. Г. Знаменский схватился за попавшийся ему случайно первый том Дарвина в переводе Бекетова, но и в этой книге про крокодилов ничего не говорится. Тогда г. Знаменский принялся за каталог Вольфа и с следующей же почтой на целых пятнадцать рублей выписал себе книг, заглавия которых, по его соображениям, непременно должны были послужить ему руководством для разрешения предпринятой им на себя задачи, и вместе с тем решил впрямь, до получения этих книг, относительно поимки крокодила ничего не предпринимать.

III

Если весть о грачевском крокодиле переполошила такое ученое учреждение, как «Общество усмирения строптивых животных», то само собою разумеется, что весть эта более всех должна была поразить Анфису Ивановну Столбикову, во владениях которой он появился и успел уже столько накуролесить. Хотя Анфиса Ивановна не имела никакого понятия ни о морских змеях, ни об ужасах, производимых крокодилами, тем не менее, однако, она сознавала инстинктивно, что тут дело что-то не ладно, и немедленно собралась в село Рычи к священнику отцу Ивану с целью, во-первых, отслужить молебен с водосвятием, а во-вторых – посоветоваться: что ей делать и что такое именно крокодил? Отец Иван на грех уехал в город, а был дома только сын его Асклипиодот. Хотя старушка и недолюбливала его за что-то, но, имея в виду, что ветрогон этот {так называла Столбикова Асклипиодота) чуть было не сделался жертвою крокодила, она решилась порасспросить его о случившемся и повыпытать от него, насколько крокодил этот страшен и насколько следует его опасаться. Асклипиодот предложил старухе чаю, усадил ее в мягкое кресло, а сам, усевшись у ног ее, наговорил ей таких ужасов, что даже волос становился дыбом. По словам его, крокодил вышел, ни дать ни взять, похожим на то чудовище, которое обыкновенно рисуется на картинах, изобра-

жающих Страшный суд, и которое своею огненной пастью целыми десятками пожирает грешников.

Увидав нечаянно в окошке проходившего мимо пономаря, того самого, которого крокодил вытащил за косичку на берег, Анфиса Ивановна подозвала его; но и пономарь ничего утешительного ей не сообщил, а объявил, что от страха у него до сих пор трясутся и руки и ноги и что во всем теле он чувствует такую ломоту, как будто у него все кости поломаны и помяты; а в конце концов, показав косичку, объяснил, что от прежней у него и половины не осталось. Анфиса Ивановна растерялась окончательно и решила съехать к г. Знаменскому. Асклипиодот проводил старушку до экипажа, посадил ее, застегнул фартук тарантаса, и Анфиса Ивановна отправилась.

Г. Знаменский, как только узнал цель посещения Анфисы Ивановны, тотчас же прочел ей письмо «Общества усмирения строптивых животных» и статьи газет о морских чудовищах, и сверх того дал ей честное слово, что как только получит от Вольфа книги о крокодилах, то тотчас же явится к ней почитать об них, и кончил тем, что появление крокодила в Грачевке есть великое бедствие, грозящее превратить данную местность в пустыню.

Анфиса Ивановна все это выслушала и вдруг почувствовала, что ей что-то подкатило под сердце, почему в ту же минуту оставила г. Знаменского и прямо отправилась к земскому фельдшеру Нирыюту. Осмотрев старуху, фельдшер объ-

явил ей, что относительно ее здоровья положительно нет никакой опасности, что у нее просто легонькое спазматическое состояние аорты и что он даст ей амигдалину, от которого все это пройдет; относительно же крокодила Нирыют высказал свое удивление, что Мелитина Петровна продолжает купаться, и именно на том самом месте, где он постоянно *шалит*. При этом он совершенно основательно заметил, что если крокодил намеревался поглотить Асклипиодота, мужчину довольно рослого и плотного, то, по всей вероятности, поглотить даму для него будет несравненно легче, не говоря уже о том, что тело Мелитины Петровны, как вообще дамское, без сомнения, нежнее и слаще грубого тела Асклипиодота. Анфиса Ивановна приняла капли, но, услышав, что крокодилы глотают людей, поспешила уехать от фельдшера и снова завернула к отцу Ивану.

Подъехав к дому священника, она увидела у калитки Веденевну – старушку, вынянчившую детей отца Ивана, Старушка сидела на завалинке и, видимо, была не в духе.

– Веденевна, здравствуй! – проговорила Анфиса Ивановна.

– Здравствуйте, матушка! – ответила та.

– Что... не приехал ли?

– Приехал!.. Принесла нелегкая... – проворчала нянька.

– Повидаться бы мне с ним хотелось...

– Выбрали времечко – нечего сказать!

– А что?

– Да такой злющий приехал, что не знаю, с которого боку и подходить к нему...

Анфиса Ивановна перепугалась даже.

– Случилось разве что? – спросила она шепотом.

– А пес его знает, прости господи, – ответила нянька, И, подойдя к тарантасу, прибавила:

– Письмо какое-то, вишь, из Москвы получил и такой бунт поднял, что хоть святых вон выноси.

– Что же это за письмо такое?

– А уж этого не знаю, матушка... Знаю только, что когда письмо он прочел, так сейчас же бросился к сыну и давай кричать на него... Уж он кричал, кричал... Такой-то крик поднял, что я перепугалась даже, прибежала в комнату, а он меня чуть не в шею... «Вон! говорит: старая ведьма!.. Нечего сказать, вынянчила дитятку!» Да на меня с кулачищами.

Анфиса Ивановна побледнела, сердце ее забилося еще болезненнее, но тем не менее она все-таки решила повидаться с отцом Иваном.

– Хотелось бы мне молебен с водосвятием отслужить! – проговорила она: – сама видишь, какие времена-то переживаем...

– Последние времена, что и говорить! – проговорила нянька со вздохом.

– Бог знает, что случиться может! А как помолишься-то, все-таки на душе легче будет...

– Что же, зайдите, матушка... Может, теперь и остыл ма-

ленько...

Когда Анфиса Ивановна вошла в залу, священник был один и, заложив руки за спину, быстро ходил из угла в угол. При виде вошедшей Анфисы Ивановны он даже не остановился, не благословил ее по обыкновению, а только кивнул головой да рукою указал на стул.

Анфиса Ивановна молча уселась, вздохнула и только тогда, когда немного собралась с духом, спросила робко:

– Ты что это из угла в угол-то бегаешь! Укусил, что ли, тебя кто-нибудь?

– Укусил!

Анфиса Ивановна опустила голову, вздохнула и, немного помолчав, прошептала совершенно уже упавшим голосом:

– Дожили!

– Да-с, дожили! – повторил отец Иван, продолжая шагать по комнате. – Настали времена – нечего сказать!

– Как же быть-то теперь? – робко спросила старушка и устремила на отца Ивана умоляющий о спасении взор.

– Известно как! Терпеть приходится!.. Терпи...

– Терпи! – передразнила его Анфиса Ивановна и, довольная таким ответом, даже ногой затопала. – Терпи! Отчего же прошлой зимой, когда волки двух лучших твоих овец зарезали, ты не терпел!.. Нет, ты, несмотря на свой сан, воспрещающий тебе убивать, за ружье ухватился и две ночи караулил волков на задворке!.. Ведь ты убил волка-то! а теперь терпение проповедуешь!..

– Да, терпение! – перебил ее с досадой отец Иван: – ибо теперь ружье ничего не поможет. Бога мы прогневили... вот он нас и наказует...

– Он же и помилует! – перебила его Анфиса Ивановна.

– Верно-с, а все-таки в ожидании... терпи!.. Вот я и терплю. Вам известно, весь век свой я прожил спокойно... всю жизнь свою посвящал труду, не ради себя, а ради детей своих... О них, о них заботился, а вышло, что дети не поняли этого. Я устраивал, созидал... а дети созданное разрушают! Родители ищут в детях утешения, благодарности, а дети, наоборот, приносят огорчения...

И, переменив тон, отец Иван добавил:

– Последние дни доживаем, сударыня!.. Прогневили господа бога!

– Ну, а в городе как? – спросила Анфиса Ивановна: – ведь ты, кажись, в город ездил?

– Ездил-с.

– Там как?

Отец Иван даже рукой махнул.

– Неужели и там тоже? – спросила Анфиса Ивановна едва слышным голосом.

– То же самое. Куда ни кинь, повсюду клин! Расскажу вам про себя. Нужно мне было в городе с одного приятеля купца триста рублей за лошадь получить... приезжаю – и что же? Купец оказался банкротом, и вместо трех радужных я три красненьких получил!.. Да это еще ничего! А вот если бы вы

газеты почитали, так не то бы еще узнали.

– Сейчас только Знаменский читал мне! – перебила его Анфиса Ивановна,

– Читал? – спросил отец Иван.

– Целый час никак!

– И прекрасно! Следовательно, вам все известно.

– Может быть, врут газеты!.. – нерешительно заметила старушка.

– Нет-с, не врут, а все, что вам читали, все это верно...

– Может, в других-то местах и нет ничего!..

– Везде-с! повсюду! – перебил ее отец Иван. – Там, смотришь, банк слопали; в другом месте концессию проглотили; в третьем армейский провиант сожрали... Э, да что и толковать!.. Лопавня, сударыня, такая пошла повсюду, что не знаешь, куда и прятаться! Того и гляди – живьем проглотят!..

И, махнув рукой, он снова зашагал по комнате.

– Да воскреснет бог! – шептала Анфиса Ивановна.

– А все почему? – продолжал он; – потому что господа бога прогневили, святые заповеди его забыли, владыку небесного на житейскую суету променяли! Из православных христиан в идолопоклонство обратились! Вот царь небесный и огневался: «Коли так, говорит, так вот нате же, пожирайте друг друга!» И резон! – добавил отец Иван, сделав одобрительный жест. – Ведь гнев господень и прежде проявлялся... Пробежите священную историю и вы убедитесь. Припомните потоп всемирный, Содом и Гоморру...

– Да ты про что это говоришь-то? – спросила Анфиса Ивановна, не совсем понимавшая отца Ивана. – Про что говоришь-то? Про крокодилов, что ли?

– Про них, сударыня, именно про них, ибо твари эти и суть крокодилы. Глотать, пожирать, забыть совесть, лопать без разбора, помышляя лишь о своем маммоне. Чего же вам еще, скажите, бога ради!.. Точно, не опровергаю, и в старину водились крокодилы, жадные были тоже, но до таких размеров не доходили!.. Помню я очень хорошо... Была, в мое время, в Питере инвалидная касса разграблена, так виновный – мучимый угрызениями совести, жизни себя лишил, а нынешние расхитители не только не лишают себя жизни, а даже обижаются, что их суду предают. Что же это за времена такие?.. Как тут быть? Как жить?.. Как горю помочь?.. Следовало бы за разрешением всего этого прибегнуть к тому, кто все разрешает и устрояет, к царю небесному, но небесный царь отвратил свое лицо от нас! Мы к нему, а он вопрошает нас; «Вам что угодно, господа? Зачем пожаловали? Ведь у вас иной бог есть, к нему и идите!» А идти к иному богу, к златому тельцу, все одно что самому в крокодила превратиться.

Анфиса Ивановна все это слушала, слушала и, наконец, вышла из терпения.

– Ну, – проговорила она, вставая с места: – правду сказала нянька твоя, что с тобой сегодня говорить невозможно! Ты из города-то совсем дураком воротился! Пил, что ли,

много, – бог тебя знает! Только ты, сударик, такую чепуху несешь, что даже уши вянут. Златому тельцу я, друг любезный, не поклоняюсь, – стара я веры-то менять! – живу по-старинному, как отцы жили, а заехала я к тебе вот зачем. Желаю я, чтобы ты завтра утром у меня в доме молебен с водосвятием отслужил и хорошенько всю усадьбу святой водой окропил... Слышишь, что ли?

– Слышу, матушка, слышу...

– А коли слышишь, так, значит, и приезжай часов в девять утра. Да смотри! служить без пропусков и все, какие есть на этот случай, молитвы привези и прочти. А то ведь я знаю тебя! – прибавила она, грозя пальцем: – про золотого-то тельца ты толкуешь, а сам первый, с позволения сказать, пятки у него лижешь...

И, проговорив это, Анфиса Ивановна бросила на отца Ивана гневный взор и вышла из комнаты. Отец Иван словно замер на месте, не понимая, чему именно приписать гнев старушки. Только немного погодя, когда завернул к нему г. Знаменский и принялся толковать о появившемся в Грачевке крокодиле, отец Иван сообразил, в чем именно дело, и, забыв на этот раз и полученное из Москвы письмо, и обанкротившегося купца, и кражи банков, разразился неистовым смехом.

– Ой, – кричал он, – ой, не могу!.. Постой, дай отдохнуть!.. Отвернись на минутку, чтобы я твоего смешного лица не видал...

И, упав на кресло, он крепко схватился руками за готовый выскочить кругленький живот свой.

– Теперь я понимаю! – проговорил он немного погодя, отирая ладонью катившиеся по щекам слезы. – Так вот по какому случаю молебен-то требуется!.. Теперь понимаю!.. А я-то с ней аллегории разводил!..

И затем, вдруг вскочив с кресла и подбежав к г. Знаменскому, удивленно смотревшему на него и словно ошеломленному всею этою сценою, он ударил его по плечу и проговорил:

– А знаешь ли, приятель, какой я дам совет тебе...

– Какой? – спросил Знаменский,

– Брось-ка ты все свои занятия да ложись-ка поскорее в больницу, а то у тебя что-то глаза нехорошие.

Знаменский оскорбился и, не простясь даже с отцом Иваном, вышел из комнаты. Отец Иван проводил его насмешливым взглядом и принялся опять шагать по комнате. Так проходил он с полчаса, наконец подсел к окну, вынул из кармана скомканное письмо и начал читать его. По мере того как чтение доходило к концу, лицо отца Ивана становилось все мрачнее и мрачнее, а дочитав письмо, он снова скомкал его, сунул в карман и опять принялся шагать по комнате.

Вошел Асклипиодот – робкий, испуганный, пристыженный, и, увидав отца, бросился ему в ноги.

– Батюшка! – проговорил он: – я опять к вам! Выручите, съездите в Москву, затушите дело...

Но отец Иван словно не замечал сына и продолжал ходить по комнате...

Между тем Анфиса Ивановна на возвратном пути из села Рычей в свою усадьбу встретила Ивана Максимыча. Он шел по дороге и подгонял прутиком корову, еле-еле тащившую ноги.

Иван Максимыч был старик лет пятидесяти, с красным носом и прищуренными глазами. Когда-то при откупах служил он целовальником, в настоящее же время занимался портняжеством и торговлею мясом, поставляя таковое окрестным помещикам. Прежде ходил в длиннополых сюртуках, в настоящее же время, вследствие проникнувшей в село Рычи цивилизации, а некоторым образом повинуясь и правилам экономии, носил коротенькие пиджаки, и, в тех же видах, заправлял панталоны в сапоги. Водки, однако, как бы следовало человеку цивилизованному, Иван Максимыч не пил, и почему суждено ему таскать при себе красный нос — остается тайной. Не было ни одного человека в околоте, не было ни одного ребенка, который не знал бы Ивана Максимыча. Он всегда говорил прибаутками, часто употреблял в разговорах: «с волком двадцать, сорок пятнадцать, все кургузые, один без хвоста» и т. п. И потому, как только, бывало, завидят его идущим в фуражке, надетой на затылок, так сейчас же говорили: «Вон с волком двадцать идет!» Иван Максимыч был местною ходячею газетой. Рыская по всем окрестным деревням и разыскивая коров, доживающих по-

следние дни свои, с гуманною целию поскорее покончить их страдания, он все видел и все знал, рассказывал все виденное и слышанное довольно оригинально, и потому болтовня его слушалась охотно, хотя и была однообразна.

Увидав Ивана Максимыча, Анфиса Ивановна приказала кучеру остановиться.

– Слышал? – проговорила Анфиса Ивановна, подозвав к себе Ивана Максимыча.

– Насчет чего это? – спросил он, снимая фуражку и подходя к тарантасу.

– О крокодиле-то?

– О, насчет крокодильных делов-то! – проговорил он, заливаясь смехом, причем глаза его сузились еще более, а рот растянулся до ушей, обнажив искрошенные зубы. – Вот где греха-то куча! Большущий, вишь, желтопузый, с волком двадцать!..

– Как! – подхватила Анфиса Ивановна. – Разве их двадцать?

– Сорок пятнадцать, все кургузые, один без хвоста.

– Кургузые?.. разве ты видел? – добивалась Анфиса Ивановна.

– Вот греха-то куча! – продолжал между тем Иван Максимыч, даже и не подозревая ужаса Анфисы Ивановны. – Должно, ухорский какой-нибудь!.. Ведь этак, чего доброго, крокодил-то, пожалуй, насчет проглатывания займется... и всех нас того!..

Анфиса Ивановна махнула рукой и приказала ехать. Домой она воротилась чуть живая и, несмотря на то, что по приезде приняла тройную порцию капель, чувствовала, что сердце ее совершенно замирает. Старушка бросилась в комнату Мелитины Петровны, чтобы хоть от нее почерпнуть что-либо успокаивающее, но Мелитина Петровна, увидав тетку со шляпкой, съехавшей на затылок, и с шалью, тащившейся по полу, только расхохоталась и ничего успокоительного не сказала.

Анфиса Ивановна легла спать, положила возле себя горничную Домну, а у дверей спальни лакея Потапыча, чего прежде никогда не делала, и, несмотря на это, все-таки долго не могла заснуть, а едва заснула, как тут же из-под кровати показался крокодил и, обвив хвостом спавшую на полу Домну, приподнял свое туловище по направлению к кровати и, разинув огненную пасть, проглотил Анфису Ивановну!

IV

Участок Анфисы Ивановны был не особенно большой, но зато на нем было все, что вам угодно: и заливные луга, и лес, и прекрасная река, изобиловавшая рыбой, и превосходная глина, из которой выделявались горшки, почитавшиеся лучшими в околотке; а земля была до того плодородна, что никто не запомнит, чтобы на участке Анфисы Ивановны был когда-нибудь неурожай. Домик Анфисы Ивановны был тоже небольшой, но он смотрел так уютно, окруженный зеленью сада, что невольно привлекал взор каждого проезжавшего и проходившего. В саду этом не было ни одного чахлого дерева; напротив, все задорилось и росло самым здоровым ростом: обильно снабжая Анфису Ивановну и яблоками, и грушами, и вишней... Люди, склонные к зависти, ругали Анфису Ивановну на чем свет стоит.

– Ведь это черт знает что такое, прости господи! – горячились они. – Иу посмотри, сколько яблоков, сколько вишни! А какова пшеница-то!.. И на кой черт ей все это нужно!..

Но Анфиса Ивановна даже и не подозревала, что яблоки ее порождали всеобщую зависть. Она жила себе преспокойно в своей Грачевке, окруженная такими же стариками и старухами, как и она сама.

Анфиса Ивановна была старушка лет семидесяти, маленького роста, сутуловатая, сухая, с горбатым носом, старав-

шимся как будто из всей мочи понюхать, чем пахнет подбородок. Зубов у Анфисы Ивановны не было, но, несмотря на это, она все-таки любила покушать и, надо сказать правду, кушала мастерски. Анфиса Ивановна была старушка чистоплотная, любившая даже при случае щегольнуть своими старыми нарядами и турецкими шальями. Когда-то Анфиса Ивановна была замужем, но давно уже овдовела и, овдовев, в другой раз замуж не выходила. Поговаривали, что в этом ей не было никакой надобности, так как по соседству проживал какой-то капитан, тоже давно умерший; но все это было так давно и Анфиса Ивановна была так стара, что даже трудно верилось, чтоб она могла когда-нибудь быть молодою и увлекательною. Детей у Анфисы Ивановны ни при замужестве, ни после такового не было. Она была совершенно одна, так как племянница Мелитина Петровна приехала к старухе очень недавно и не более как за месяц до начала настоящего рассказа.

Прислуга Анфисы Ивановны отличалась тем, что у каждого служащего была непременно своя старческая слабость к известному делу. Так, например, экономка Дарья Федоровна была помешана на вареньях и соленьях. Буфетчик, он же и лакей, Потапыч только и знал, что обметал пыль и перетирал посуду, и каждая вещь имела у него собственное свое имя. Так, например, один стакан назывался у него Ваняткой, другой Николкой, кружка же, из которой обыкновенно пила Анфиса Ивановна, называлась Анфиской. Горничная Домна

не на шутку тосковала, когда ей нечего было штопать; приказчик же Захар Зотыч был решительно помешан на ведении конторских книг и разных отчетов и ведомостей. Все эти старики и старухи жили при Анфисе Ивановне с молодых лет, и ничего нет удивительного, что все они сжились до того, что трудно было бы существовать одному без другого. Всем им было ассигновано жалованье, но никогда и никто жалованья этого не спрашивал, ибо никому деньги не были нужны. Жалованья таким образом накопилось столько, что если бы все служащие вздумали одновременно потребовать его, то Анфисе Ивановне нечем было бы расплатиться. Но, повторяю, денег никто не требовал, и Анфиса Ивановна даже не помышляла о выдаче таковых. Да и зачем? Каждый имел все, что ему было нужно, и каждый смотрел на погреба и кладовые Анфисы Ивановны как на свою собственность, как на нечто общее, принадлежащее всем им, а не одной Анфисе Ивановне, зачем же тут жалованье?..

V

До приезда в Грачевку племянницы Мелитины Петровны жизнь в Грачевке текла самым мирным образом. Анфиса Ивановна вставала рано, умывалась и начинала утреннюю молитву. Молилась она долго, стоя почти все время на коленях. Затем вместе с экономкой Дарьей Федоровной садилась пить чай, во время которого приходил иногда управляющий Зотыч, при появлении которого Анфиса Ивановна всегда чувствовала некоторый трепет, так как приход управляющего почти всегда сопровождался какой-нибудь неприятностью.

– Ты что? – спросит, бывало, Анфиса Ивановна.

– Да что? Дьявол-то этот опять прислал,

– Какой дьявол?

– Да мировой-то!

– Опять?.

– Опять.

– Зачем?

– Самих вас в камеру требует и требует, чтобы вы расписались на повестке.

И Зотыч подавал повестку.

– Что же мне делать теперь?

– Говорю, пожалуйста на него предводителю. Надо же его унять; ведь эдак он, дьявол, нас до смерти затаскает!..

– Да зачем я ему спонадобилась?
– Да по тришкинскому делу...
– Какое такое тришкинское дело?
– О самоуправстве. Тришка был должен вам за корову сорок рублей и два года не платил. Я по вашему приказанию свез у него с загона горох, обмолотил его и продал. Сорок рублей получил, а остальное ему отдал.

– Значит, квит! – возражает Анфиса Ивановна.
– Когда вот отсидите в остроге, тогда и будет квит!
– Да ведь Тришка был должен?
– Должен.
– Два года не платил?
– Два года.
– Ты ничего лишнего не взял?
– Ничего.
– Так за что же в острог?
– Не имели, вишь, права приказывать управляющему...
– Я, кажется, никогда тебе и не приказывала...
– Нет уж, это дудки, приказывали.
– Что-то я не помню! – финтит старуха.
– Нет, у меня свидетели есть. Коли такое дело, так я свидетелев представлю... Что же, мне из-за вашей глупости в острог идти, что ли!... Нет, покорно благодарю.
– Да за что же в острог-то?
– А за то, что вы не имели никакого права приказывать мне продать чужой горох... Это самоуправство...

– Да ведь ты продавал!

– А приказ был ваш.

– Стало быть, мне в острог?

– Похоже на то!

– Так это, выходит, *процесс*! – перебивает его Анфиса Ивановна.

И, побледнев как полотно, она запрокидывается на спинку кресла. Слово *процесс* пугает ее даже более острога. Она лишалась аппетита и ложилась в постель. Но сцены, подобные описанной, случались весьма редко, а потому настолько же редко возмущался и вседневный порядок жизни.

Напившись чаю, Анфиса Ивановна отправлялась в сад и беседовала с садовником, отставным драгуном Брагиным, у которого тоже была слабость целый день копать в саду, мотыжить, подчищать и подпушивать. С ним заводила она разговор про разные баталии, старый драгун оживлялся и, опираясь на лопату, начинал рассказывать про битвы, в которых он участвовал, Анфиса Ивановна слушала со вниманием, не сводя глаз с Брагина, качала головой, хмурила брови, а когда дело становилось чересчур уже жарким, она бледнела и начинала поспешно креститься.

Наговорившись вдоволь с Брагиным, Анфиса Ивановна возвращалась домой, садилась в угольной комнате к окошечку и, призвав Домну, начинала с ней беседовать. В беседах этих большею частию вспоминалось прежнее житье-бытье и иногда речь заходила о капитане, но тяжелые воспоминания

дней этих (капитан, говорят, ее очень бил) как-то невольно обрывали нить разговора, и Анфиса Ивановна замечала:

— Ну, не будем вспоминать про него. Дай бог ему царство небесное, и пусть господь простит ему все то, что он мне натворил!

Во время разговоров этих Анфиса Ивановна вязала обыкновенно носки. Вязание носков было ее любимым занятием, и так как у нее не было родных, которых она могла бы снабжать ими, то она дарила носки предводителю, исправнику, становому и другим. Но при этом соблюдались ранги. Так, предводителю вязались тонкие носки, исправнику потолще, а становому вовсе толстые. Анфиса Ивановна даже подарила однажды дюжину носков архиерею, но связала их не из ниток, а из шелку, за что архиерей по просьбе Анфисы Ивановны посвятил в стихарь рычевского причетника.

К двенадцати часам Потапыч накрывал стол, раза два или три обойдя все комнаты и обтерев пыль. Стол для обеда он ставил круглый и, прежде чем поставить его, всегда смотрел на ввинченный в потолок крючок для люстры, чтобы стол приходился посередине комнаты. В половине первого подавался суп, и Потапыч шел к Анфисе Ивановне и проговаривал: «кушать пожалуйста!» Во время обеда слуга всегда стоял позади Анфисы Ивановны, приложив тарелку к правой стороне груди. Потапыч в это время принимал всегда торжественный вид, поднимал голову и смотрел прямо в макушку Анфисы Ивановны. Но, несмотря, однако, на этот торже-

ственный вид, он все-таки не бросал своей привычки ходить без галстука, в суконных мягких туфлях и вступать с Анфисой Ивановной в разговоры.

– Ну чего смотрите! чего трете! – проговаривал он оскорбленным голосом, заметив, что Анфиса Ивановна разглядывала и вытирала тарелку.

– У меня такая привычка, – оправдывалась Анфиса Ивановна. –

– Пора бы бросить ее!.. Что вы, англичанка, что ли, какая, что тарелки-то чистые вытираете.

Если же Анфисе Ивановне случалось каким бы то ни было образом разбить стакан или рюмку, то Потапыч положительно выходил из себя.

– Что у вас, рук, что ли, нет! Ну что вы посуду-то колотите! Маленькие, что ли! – И, глядя на собранные осколки, он начинал причитывать: – Эх ты, моя «Сонька», «Сонька»! Сколько лет я тебя берег и холил, всегда тебя в уголочек буфета рядом с «Анфиской» ставил, а теперь кончилось твое житье!

– Ну, будет тебе, Потапыч! – перебивала его Анфиса Ивановна. – Полно тебе плакать-то! все там будем.

И, бывало, вздохнет.

После обеда Анфиса Ивановна отправлялась в свою уютную чистенькую комнатку и, опустившись в кресло, предавалась дремоте, после чего приказывала обыкновенно заложить лошадей и отправлялась или кататься, или в село Ры-

чи к отцу Ивану. Но поездки эти удавались ей не всегда, и очень часто Домна, ходившая к кучеру с приказанием заложить лошадей, возвращалась и объявляла, что кучер закладывать лошадей не хочет.

– Это почему?

– Некогда, говорит.

– Что же он делает?

– Табак с золой перетирает. Нюхать, говорит, мне нечего, а я, говорит, без табаку минуты быть не могу.

– Да что он, с ума сошел, что ли? – сердилась Анфиса Ивановна. – Ступай и скажи ему, чтобы сию минуту закладывал; что до его табаку мне дела нет; что, дескать, барыня гневается и требует, чтобы лошади были заложены немедленно.

– Ну что? – спрашивала Анфиса Ивановна возвратившуюся Домну.

– Не едет.

– Что же он говорит?

– Не поеду, говорит, без табаку; хоть сейчас расчет давай!

– Так я же его сейчас и разочту! – вскрикивала Анфиса Ивановна и, обратясь к Домне, прибавляла ласково: – Домашенька, сходи, душенька, к Зотычу и скажи ему, чтоб он принес конторскую книгу.

Домна уходила, а Анфиса Ивановна принималась ходить по комнате и посматривать на каретник в надежде, что кучер опомнится и поспешит исполнить ее приказание, но каретник попрежнему не растворялся. Являлся Зотыч с книгою

и прислонялся к притолоке: «Ну вот я, чего тебе еще книга спонадобилась!»

– Захар Зотыч! – начинала Анфиса Ивановна: – кучер выходит у меня из повиновения, и потому сейчас же разочти и чтоб его сегодня же здесь не было. Слышишь?

– Слышу.

– Так вот разочти.

– Денег пожалуйста, – ворчит Зотыч.

– Разве в конторе нет?

– Откуда же они будут в конторе-то?

– Сосчитай, сколько ему приходится.

Зотыч развертывал книгу и находил ту страницу, на которой записан кучер Абакум Трофимыч. Он указывал пальцем на, мол, смотри.

– Он сколько получает в месяц?

Зотыч молча указывает.

– А давно он живет?

Зотыч передвигал палец и указывал, сколько лет живет кучер. Оказывалось, что живет он тридцать восемь, лет.

– Сколько же ему приходится? – спрашивала Анфиса Ивановна уже немного потише, и Зотыч снова передвигал палец и указывал на итог.

– Да ты что мне все пальцем-то тычешь?! – вскрикивала Анфиса Ивановна. – Что, у тебя язык, что ли, отвалился, что не можешь мне ответить? Ну, сколько же приходится?

– За вычетом полученных в разное время, кучеру прихо-

дится дополучить двести тридцать шесть рублей сорок копеек, – отвечал Зотыч и смотрел на Анфису Ивановну, как будто желая сказать: что, ловко?

– Так в конторе денег нет?

– Нет.

– Ну хорошо, ступай! Я денег найду и тогда пришлю за тобой.

«Ладно», – думает Зотыч, и уходит, и видит, как в сенях кучер Абакум Трофимыч, сидя на каком-то обручке и ущемив коленками какую-то ступу, преспокойно растирает себе табак и даже не взглянул на проходившего мимо с книгою подмышкой управляющего.

– Но в большинстве случаев кучер беспрекословно закладывал лошадей и отправлялся с барыней по указанным направлениям. Абакум всегда усаживался на козлах как можно покойнее, клал свои локти на колени и почти вовсе не правил лошадьми, отчего очень часто случалось, что, проезжая околицы, тарантас задними колёсами зацеплял за верей⁵ и выворачивал их вон.

– Ты вовсе не смотришь, куда едешь! – вскрикивала, бывало, Анфиса Ивановна.

– Как же я назад-то посмотреть могу, – возражал Абакум. – Чудное дело! Точно у меня глаза-то в затылок вставлены.

И начнет, бывало, свой нос, словно трубку, набивать табаком. Очень часто табак этот ветром относило прямо в глаза

⁵ Верей – один из столбов, на которые навешиваются створки ворот.

Анфисе Ивановне, и она говорила:

– Послушай, ты как-нибудь поосторожней нюхай, а то твой табак мне прямо в глаза летит!

– Это ничего! – отвечал кучер: – табак даже нарочно в глаза пускают. От этого зрение очищается.

После ужина Анфиса Ивановна поспешно отправлялась в спальню, где Домна успела уже приготовить для барыни постель. Помолившись и перекрестив постель, дверь и окна, чтобы никто не влез, Анфиса Ивановна укладывалась и, свернувшись в клубочек, засыпала, а с нею вместе засыпала и вся усадьба. И тогда-то среди этой воцарившейся безмолвной тишины, охватившей всю усадьбу, среди этой темной молчаливой ночи, бережно окутавшей густым покрывалом все окружающее, выходил из своей конуры страдавший бессонницей ночной сторож Карп, шагал, переваливаясь, по разным направлениям усадьбы и неустанно колотил колотушкой вплоть до самого рассвета.

VI

Так проживала Анфиса Ивановна несколько десятков лет, как вдруг за месяц до начала настоящей повести, часов в шесть вечера, подъехала к дому Анфисы Ивановны тележка, запряженная парой лошадей. Из тележки вышла, в каком-то рыженьком бурнусе, с небольшим саквояжем на руке, молодая, свеженькая дамочка. Вбежав на крыльцо, она весело спросила Потапыча: дома ли Анфиса Ивановна? и узнав, что дома, вошла без церемонии в залу. Увидав в зале старушку, с любопытством смотревшую в окна на подъехавшую пару, она сейчас догадалась, что старушка эта и есть Анфиса Ивановна. Приехавшая поспешно подбежала к ней, обняла и отрекомендовалась, что она ее племянница – Мелитина Петровна Скрябина, и принялась напоминать ей о себе. Мелитина Петровна передала, что она дочь ее покойного брата Петра Ивановича, которую она, Анфиса Ивановна, видела только раз, и то тогда, когда Мелитина Петровна была еще грудным ребенком; что год тому назад она вышла замуж за штабс-капитана Скрябина, служившего при взятии Ташкента под начальством генерала Черняева ⁶, что муж отправился

⁶ Генерал Черняев, Михаил Григорьевич (1828-1898) – главнокомандующий сербской армией в 1875-1876 годах. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов находился в распоряжении генерального штаба русской армии, то есть фактически был не у дел. В 1873-1878 годах издавал реакционную газету «Русский

теперь в Сербию добровольцем, а ей посоветовал на время войны ехать к тетушке Анфисе Ивановне. Затем Мелитина Петровна рассказала, что в вагоне встретила она с Асклиподотом Психологовым, доехала с ним от железной дороги до села Рычей, а затем попросила уплатить ямщику два рубля, так как, выходя из вагона, она потеряла свой портмоне. Анфиса Ивановна уплатила деньги и приказала подать чаю. Мелитина Петровна вышла на балкон, пришла в восхищение от клумбы розанов, воткнула в косу один цветок, жадно вдыхала ароматичный воздух и объявила, что летом только и можно жить в деревне, причем кстати обругала петербургский климат. За чаем, который пила тоже на балконе, Мелитина Петровна рассказала, что всю дорогу, начиная от Москвы и до последней станции железной дороги, она только и говорила с Асклиподотом Психологовым об ней, и потому теперь она как будто знакома с ней несколько лет, знает ее привычки, образ жизни и употребит все старания, чтобы быть ей приятною и заслужить ее расположение. Говоря все это, Мелитина Петровна намазывала на хлеб масло, подкладывала в чашку сахар, просила Дарью Федоровну наливать ей чай покрепче и держала себя так, как будто и в самом деле несколько лет была знакома с Анфисой Ивановной. После чая, узнав, что на реке есть удобное место для купанья, завязала в узелок полотенце, мыло, мочалку и, попросив указать ей место, отправилась купаться. Ужинала Мелитина Петровна

на с аппетитом, хвалила кушанья, а от варенца, подававшегося вместо пирожного, пришла в восторг и объявила, что за такой варенец надо заплатить в Петербурге никак не менее трех рублей.

Уложив Мелитину Петровну спать, Анфиса Ивановна собрала в свою спальню и Дарью Федоровну и Домну и вместе с ними начала припоминать подробности посещения брата Петра Ивановича.

– Вот я не помню хорошенько, – говорила Анфиса Ивановна, совершенно потерявшая память: – был ли в то время брат Петр Иванович женатым или вдовцом,

– Кажись, вдовцом! – прошептала Дарья Федоровна.

– Ой, женатым! – подхватила Домна. – Я помню, что с ним приезжала какая-то дама, красивая, высокая, румяная..

– Это была не жена, а кормилица!

– Нет, жена. Я как теперь помню, была им отведена угольная комната и они в одной комнате спали... и кровать была одна, накрытая кисейным пологом от комаров.

– Ты все перепутала, Домна! – говорит Анфиса Ивановна – Кровать с пологом мы устраивали для архиерея, когда он ночевал у нас.

– А где же дама-то спала?

– С архиереем не было никакой дамы.

– С кем же дама приезжала?

И старухи умолкли и углубились в воспоминанья. Но как они ни хлопотали, ничего припомнить не могли и, напротив,

спутались еще более в воспоминаньях этих Петр Иванович то назывался холостым, то женатым, то приезжавшим вместе с женой, но без ребенка, то вдовцом, с кормилицей и ребенком. То представлялся он им хромым, то гусаром с длинными усами, стройным, ловким и лихим. Наконец дошло до того, что Петр Иванович никогда будто не приезжал и что Мелитина Петровна все наврала, объявив, что была в Грачевке грудным ребенком... Позвали Потапыча; стали спрашивать его: не припомнит ли он, приезжал ли лет двадцать пять тому назад Петр Иванович с кормилицей и грудным ребенком? Потапыч тут же припомнил.

– Да, как же! – почти вскрикнул он. – Известно, приезжал с ребенком и с кормилицей. Еще, помнится раз, опосля обеда, ребенок потянул за скатерть и всю посуду переколотил.

– Так, так, так! – затараторили старухи, и в ту же минуту в их памяти воскресла вся картина приезда Петра Ивановича со всеми ее мельчайшими подробностями. Вспомнили, что действительно лет двадцать тому назад Петр Иванович приезжал в Грачевку вдовцом, с ребенком и кормилицей, и прогостил недели три. Что кормилица была очень красивая, белая, стройная, чернобровая и спала вместе с ребенком в угольной комнате, а Петр Иванович рядом в гостиной, на диване. Но какого пола был ребенок, они решительно припомнить не могли, а так как на часах пробило уже двенадцать часов ночи и все они дремали, то порешили, что, вероятно, ребенок был девочка, так как отец никоим образом при кре-

щении ребенка не назвал бы мальчика Мелитиной, ибо Мелитина имя женское.

VII

На следующий день Анфиса Ивановна по случаю приезда племянницы встала ранее обыкновенного и произвела даже некоторое изменение в своем туалете, накрыв голову каким-то чепцом, который называла она *убором*. Но, несмотря на то, что старуха была на ногах ранее обыкновенного, Мелитина Петровна все-таки предупредила ее. Она успела сходить на реку, искупаться, обойти весь сад, потолковать с Брагиным и даже побывать на гончарном заводе. Мелитина Петровна была в восторге и от Грачевки и от сада, гончарным же заводом осталась недовольна и объявила, что горшки на нем работаются допотопным образом и что в настоящее время имеются очень простые и удобные приспособления, посредством которых горшки выделяются несравненно скорее и лучше. За чаем Мелитина Петровна расспрашивала старуху о средствах окрестных крестьян, на каком они наделе, на большом или малом, есть ли в этой местности заводы или фабрики. Она высказала при этом свою любовь к заводскому делу, объяснила; что на заводах и фабриках народ гораздо развитее, что хлебопашество развивает в человеке мечтательность и идилию, тогда как машины, перерабатывая пеньку, шерсть, бумагу, шелк и т. п., вместе с тем незаметно перерабатывают и человеческий мозг. Мелитина Петровна рассказала, что как-то случилось ей быть в Шуе

и что она пришла в восторг от народа. Затем она спросила, есть ли в Грачевке школа, и, узнав, что школы никакой не имеется, потужила об этом и слегка коснулась, что вообще в России необходимо было бы ввести обязательное обучение; что по имеющимся сведениям у нас на восемьдесят четыре человека приходится только один учащийся, что начальных школ всего двадцать две тысячи четыреста и что поэтому увлекаться оптимизмом нам не к лицу, а надо – думать об умножении начальных школ, причем не забывать и женского образования, о котором даже и думать не начинали.

После чая Мелитина Петровна принялась за устройство своей комнаты, и Анфиса Ивановна, присутствовавшая при этом, немало удивилась, что Мелитина Петровна ставит кровать как-то наискось комнаты. Заметив удивление старушки, Мелитина Петровна объяснила ей, что необходимо ложиться головой к северу, так как, по уверению германских врачей, этим устраняются многие болезни, и что теорию эту объясняют они влиянием земного магнетизма на человеческий организм.

Анфиса Ивановна все это слушала и чувствовала, что в голове у нее творится что-то недоброе. Более всего поразила ее кровать, так что с кровати этой она не спускала глаз и все думала: «как же это так выходит, что спать надо наискось комнаты, а не вдоль стенки!» Затем Анфиса Ивановна, как и всякая женщина, вообще любившая подсмотреть, что у кого есть, начала разглядывать костюм Мелитины Петровны и

нашла, что платьишко на ней немудреное и хотя и украшалось разными бантиками и оборочками, но тем не менее все-таки мизерное и то же самое, в котором была вчера; что ботинки хотя и варшавские, но все-таки рыженькие, с довольно значительными изъянцами и со стоптанными каблуками. Все это навело Анфису Ивановну на мысль, что муж Мелитины Петровны, должно быть, одного поля ягода с *капитаном* и, вероятно, *сорви-голова*, коли уехал на *сражение*.

Уставив кровать, Мелитина Петровна открыла свой чемоданчик и, вынув из него несколько книг, поставила их на стол. Она объявила Анфисе Ивановне, что если ей угодно, то некоторые из этих книг она ей прочитает; что книги очень интересные и в особенности расхвалила «Тайны Мадридского двора», «Евгению» и «Дон Карлоса» ⁷. Но Анфиса Ивановна была занята не книгами, а искоса посматривала на чемоданчик, где, кроме каких-то тоненьких книжечек, перевязанных бечевкой, ничего не виднелось. Анфиса Ивановна спросила племянницу, отчего не ставит она на стол и тех книжечек; которые перевязаны бечевкой, но Мелитина Петровна объяснила, что тоненькие книжечки учебные, из-

⁷ «Тайны Мадридского двора», «Евгения» и «Дон-Карлос» – псевдоисторические произведения немецкого писателя Георга Ф. Борна. Полное заглавие этих произведений: «Тайны Мадридского двора. Историко-романтический рассказ из новейших времен Испании». СПб., 1870; «Евгения, или тайны французского двора. Исторический роман из новейших событий Франции». В четырех частях. Два тома. Т. I-II, перевод с немецкого, М., 1882; «Дон-Карлос. Исторический роман из современной жизни Испании», т. I-IV, СПб., 1875.

данные комитетом грамотности, и поспешила закрыть и запереть чемодан ключом, который и сунула в карман своего платья.

Устроив комнату, Мелитина Петровна спросила, далеко ли от них почтовая станция, на которой принимаются письма, и, узнав, что таковая находится в селе Рычах и что почта отходит сегодня же часов в шесть вечера, очень обрадовалась и объявила, что сейчас же отправит в Петербург письмо, а когда Анфиса Ивановна спросила племянницу, зачем пишет она в Петербург, если муж ее находится на *сражениях*, Мелитина Петровна ответила, что мужу с этой почтой она писать не будет, а будет писать одному петербургскому знакомому. После обеда Мелитина Петровна попросила у тетки бумаги и все нужное для письма, кстати выпросила еще три рубля денег на покупку почтовых марок и, расцеловав за все это тетку, ушла в свою комнату писать письма. Анфиса Ивановна, по обыкновению, удалилась в свою спальню. Но на этот раз старушка не уселась в кресло подремать, а, призвав к себе Домну, начала передавать ей по секрету все виденное и слышанное. Анфиса Ивановна сообщила, что Мелитина Петровна умеет делать горшки, очень любит фабрики и заводы, на которых выделывают человеческие мозги, и что спит не вдоль стенки, а наискось комнаты. Домна же в свою очередь передала, что вчера она хотела было приготовить Мелитине Петровне ночную сорочку, почему попросила ключ от чемодана, но Мелитина Петровна ей ключей по-

чему-то не дала; что у племянницы ничего-то ровнехонько нет и что платье только одно и есть. Что же касается белья, то такого всего-навсего: две сорочки, два полотенца и штуки четыре носовых платков. Рассказ этот еще более убедил Анфису Ивановну, что муж Мелитины Петровны одного поля ягода с капитаном и что, по всей вероятности, спустил все приданое жены, так как Анфиса Ивановна очень хорошо помнит, что у покойного брата Петра Ивановича было пятьсот душ, которые и должны были перейти к Мелитине Петровне. Затем Домна передала, что и ее тоже расспрашивала о мужиках, а именно: хорошо ли они живут, много ли грамотных, довольны ли своим положением; на что она, Домна, ответила ей, что дело ее девичье, что об этих делах ничего не знает.

Когда Анфиса Ивановна вышла из спальни, то была очень удивлена, узнав от Потапыча, что Мелитина Петровна ушла пешком в Рычи. Старушка сделала Потапычу выговор за то, что тот не распорядился заложить лошадей; но Потапыч ответил, что Мелитина Петровна от лошадей отказалась и объявила, что она любит ходить пешком и никогда на лошадях ездить не будет. Часов в восемь вечера Мелитина Петровна воротилась. Она передала тетке, что письмо ею отправлено, что была в лавке Александра Васильевича Соколова, купила там табаку и гильз для папирос и что встретила в лавке учителя Знаменского и своего попутчика Асклипиодота Психологова. Село Рычи ей очень понравилось. Она не без иронии

заметила, что село это имеет вид цивилизованного местечка, так как на базарной площади имеется несколько лавок, трактиров, кабаков и даже две, три золотые вывески с надписями: «Склад вина такого-то князя, оптовая продажа вина такого-то графа». Свой рассказ она заключила сообщением, что в селе напали на нее собаки и что как она ни отмахивалась зонтиком, а все-таки они оборвали ей хвост. Тем не менее, однако, Мелитина Петровна была очень довольна своим путешествием в село Рычи. Затем она, выпросив у Домны иголку с ниткой, принялась чинить оборванное собаками платье.

VIII

В тот же день явился Асклипиодот Психологов. Он был в пестрых клетчатых панталонах, гороховом коротеньком пиджаке и в пуховой шляпе, надетой набекрень. Встретив Анфису Ивановну, он расшаркался перед нею, проговорив: «Слава, живио!» (тогда по случаю сербской войны это было в моде), и объявил, что так как ему отлично известно, что Анфиса Ивановна его недолюбливает (хотя бы, напротив, ей следовало любить его, так как он ее крестный сын), то он и является с визитом не к ней, а к своей бывшей попутчице Мелитине Петровне. Вошла Мелитина Петровна. Асклипиодот быстро вскочил со стула, опять проговорил: «Живио, слава!» и очень развязно и крепко пожал ей руку. Анфиса Ивановна оставила их одних и удалилась в свою комнату. Мелитина Петровна, заметив это, тотчас же догадалась, что посещение Асклипиодота старухе не по нутру. Асклипиодот пробыл, однако, у Мелитины Петровны довольно долго, надымил табаком полную комнату и набросал на пол столько окурков, что Потапыч насилу даже собрал их. О чем беседовали они – неизвестно, так как говорили они почти шепотом, а как только в комнату входил Потапыч с крылом и полотенцем, так немедленно или умолкали совершенно, или же начинали говорить о погоде. Перед прощанием Мелитина Петровна увела Асклипиодота в свою комнату и довольно

долго говорила с ним о чем-то. Наконец Асклепиодот ушел. Встретившись, однако, в зале с Анфисой Ивановной, он снова раскланялся и, приложившись к ручке, проговорил:

– Грех вам, мамашенька, что вы не любите своего крестничка! бог вас за это строго накажет!

«Хорошо, толкуй!» – подумала про себя Анфиса Ивановна и, когда Асклепиодот ушел, проговорив: «живио!» – прибавила, обращаясь к племяннице:

– И в кого только зародился такой ветрогон, не понимаю!..

Через несколько дней Домна, ходившая в Рычи к обедне, сообщила Анфисе Ивановне, что Мелитина Петровна, тоже бывшая в церкви, стояла рядом с Асклепиодотом и долго с ним болтала и смеялась.

Все это не совсем-то приходилось по вкусу Анфисе Ивановне, так что приезд племянницы был ей в тягость. Но Мелитина Петровна была не из тех, которые не сумели бы загладить такое впечатление. Напротив, вскоре она оказалась женщиной не только не тяжелою, но даже весьма предупредительною и любезною. Не прошло и двух недель, как Мелитина Петровна вполне уже завоевала себе расположение старушки. Однажды она приготовила ей к обеду такие сырники, что Анфиса Ивановна чуть не объелась ими. Узнав затем, что тетка очень любит квас и что хорошего кваса никто здесь варить не умеет, Мелитина Петровна потребовала себе ржаных сухарей, сахару, сделала сухарный квас, разлила его по бутылкам, в каждую бутылку положила по три

изюминки, и когда квас собрался, угостила им Анфису Ивановну. Старуха чуть не опилась этим квасом. Когда же Мелитина Петровна, прочитав присланный мировым судьей заочный приговор; которым Анфиса Ивановна по известному нам *тришкинскому процессу* приговорена была к четырехдневному аресту, съездила к мировому судье и привезла старухе мировую с Тришкой, то Анфиса Ивановна чуть не принялась молиться на племянницу. В ту же минуту порешила она, что Мелитина Петровна *славная бабенка*, расцеловала ее, примирилась с судьей и в тот же день принялась вязать ему носки из самой тонкой бумаги. Мелитина Петровна пригидлась и в данном случае, ибо научила тетку так искусно сводить пятки, как никогда Анфиса Ивановна не сводила!..

IX

Мелитине Петровне было лет двадцать; это была женщина небольшого роста, тоненькая, с приятным веселым личиком, с плутовскими глазками, весьма бойкая, говорливая и с прелестными каштановыми волосами. Шиньонов она не носила, но роскошные волосы свои зачесывала назад и завязывала их таким изящным бантом, что всякий шиньон только испортил бы натуральную красоту волос. Весь недостаток Мелитины Петровны заключался в ее костюме, но Анфиса Ивановна, убедившись, что племянница ее *славная бабенка*, тотчас же подарила ей все нужное. Преподнося ей все эти подарки, Анфиса Ивановна с улыбкою объявила племяннице, что все это она дарит ей за *тришкинский процесс*. Мелитина Петровна расцеловала тетку, выпросила у нее еще пятьдесят рублей на отделку платьев и отправилась в Рычи. В модном магазине Семена Осиповича Голубева она накупила себе всевозможных лент, прошивочек, несколько дюжин пуговиц, а затем, выпросив у знакомого нам Ивана Максимовича швейную машину (которая, по уверению его, шила с волком двадцать), принялась все подаренное кроить и шить. Анфиса Ивановна хотела было пригласить известную в околотке модистку Авдотью Игнатьевну, но Мелитина Петровна объявила, что она сделает все сама, и действительно немного погодя у нее был уже новый гардероб, состоявший из нескольких

простеньких платьев, но сшитых со вкусом и весьма пикантно выказывавших все ее физические достоинства. Анфиса Ивановна немало дивилась новому покрою, а именно: что рукава и юбка делаются из одной материи, а лиф совершенно из другой; что пуговиц пропасть, и петель нет, и застегивать нечего; что бант, который в доброе старое время пришивался к волнующейся груди, и передавал трепет сердечный, ныне пришивается к сиденью. Но тем не менее платья нашла она миленькими, а главное, идущими к хорошенькому лицу Мелитины Петровны. Мелитина Петровна подошла к зеркалу, полюбовалась собою и снова расцеловала тетку. Мелитина Петровна не кокетка, но она женщина; а какая же женщина не испытывает тайного удовольствия в уверенности, что она может нравиться!..

Окончив работу, Мелитина Петровна прочла Анфисе Ивановне «Дон Карлоса» и «Тайны Мадридского двора». Старуха осталась в восторге, в особенности от последних, и внутренне сравнивала себя с Изабеллой, а покойного капитана с маршалом Примом.

Не менее Анфисы Ивановны полюбили Мелитину Петровну не только вся дворня, но даже и окрестные крестьяне. Она умела со всеми поладить и всякому угодить. Александр Васильевич Соколов беспрекословно отпускал ей в долг табак, гильзы и разные конфеты, которые она раздавала крестьянским детям. Известный капиталист Кузьма Васильевич Чурносков, ругавший всех обращавшихся к нему с просьбой

дать займы денег, ссудил ее однажды серией в пятьдесят рублей; портной Филарет Семенович, постоянно пьяный и избитый, при встрече с Мелитиной Петровной бросал фуражку кверху и кричал «ура!» Даже сам церковный староста, узнав, что Мелитина Петровна очень любит свежую осетрину с ботвиньем, слетал в губернский город и привез ей живого осетра аршина в два длиной. В несколько дней успела она познакомиться почти со всеми бабами и мужиками и почти у всех перебивала в избах. С бабами толковала она о коровах, о телятах, о том, какую вообще жалкую участь терпит баба в крестьянской семье; с мужиками о подушных окладах, о нуждах их, о господстве капитала над трудом, о волостных судах и сходках, о безграмотности старшин и грамотности волостных писарей. С крестьянскими девушками купалась, учила их плавать и нырять и говорила, что купанье очень полезно, и поэтому давала совет пользоваться нашим коротким летом, чтобы на зиму запастись здоровьем. Иногда же она просила собравшихся на купанье девушек уйти и оставить ее одну.

Итак, Анфиса Ивановна успокоилась и, убедившись, что племянница ее не из таковых, которые нарушают чье бы то ни было спокойствие, зажила попрежнему, не только не стесняясь ее присутствием, но даже изредка сетуя, что племянница так мало сидит с ней и большую часть дня проводит вне дома. Ее тревожило только то обстоятельство, что Мелитина Петровна, уходя, запирала всегда свою комнату клю-

чом, а равно и то, что несмотря на большую переписку, которую вела Мелитина Петровна, она ни разу не писала мужу и не получала от него писем. Как-то раз она даже решилась спросить ее об этом:

– Уж ты не в ссоре ли с мужем-то?

– Почему вы думаете?

– Не переписываетесь вы!.. Я этого не понимаю. Ну как не уведомить жену, что вот, дескать, я жив и здоров, желаю и о тебе узнать что-нибудь! А то на – поди! Уехал себе на *сраженья*, и ни слова!.. Уж он у тебя, милая моя, *тюкнуть* не любит ли?

– Что это значит *тюкнуть*?

– Выпить то есть?

– Он пьет, но очень мало.

– То-то, – проговорила Анфиса Ивановна: – а то у меня был один знакомый капитан, – продолжала она, вздохнув: – так-тот, бывало, так *натюкается*, что ничего не помнит. Вытаращит, бывало, глаза, да так целый день и ходит и то того кулаком треснет, то другого... «Это, говорит, чтобы рука не отекала!»

На этом и кончился разговор, и хотя Анфиса Ивановна в сущности ничего не узнала относительно обоюдного молчания супругов, но все-таки, имея в виду, что штабс-капитан Скрябин не *тюкает*, она успокоилась. Итак, в Грачевке все пришло было в надлежащий порядок, как вдруг появился крокодил и появлением своим наделал известную уже нам

суматоху.

Однако возвратимся к рассказу.

Х

Несчастливая Анфиса Ивановна после описанного ужасного сна не спала всю ночь и, разбудив Домну, напрасно старалась в разговорах с нею хоть сколько-нибудь забыть тяжелую действительность. О чем бы старушка ни говорила, как бы далеко ни удалялась от тяготившей ее мысли, а все-таки разговор незаметно сводился к одному и тому же знаменателю. Среди разговоров этих иногда склоняла ее дремота, но тревожное забытьё это походило на тот мучительный сон, которым доктора успокаивают измученного больного, давая ему морфий. Только что смыкала Анфиса Ивановна свои отяжелевшие веки, как ей представлялось, что будто она приказывает Зотычу обнести свою усадьбу высокою кирпичною стеной с железными воротами. Зотыч требовал на покупку материалов денег, а денег нет, и последние отданы Мелитине Петровне на отделку платьев... То представлялось ей, что стена готова и что около запертых железных ворот ходит Братин с ружьем. Анфиса Ивановна счастлива и напевала: «И на штыке у часового горит полночная луна...» Но вдруг наверху стены показывался крокодил; как-то разгорячившись, оглядывал он внутренность двора и затем, упираясь четырьмя лапами, начинал сползать вниз, а Асклипиодот, почтительно приподняв шляпу, говорил ей: «Вот видите, мамашенька, я говорил вам, что бог накажет вас за то, что вы не любите

своего крестничка!...»

Зато как только начало светать, и как только утренняя заря заглянула в окно, возвещая о появлении солнца, и защелбтали под окном неугомонные воробьи, — Анфиса Ивановна вздохнула свободнее, и по мере того как мрак ночи бледнел перед светом дня, уменьшалось и тревожное настроение старушки. Она уснула и на этот раз проспала спокойно часов до восьми утра.

Проснувшись, Анфиса Ивановна немедленно позвала к себе Домну и приказала ей приготовить все необходимое для предстоящего молебна. Она указала, какие именно требовалось поставить иконы, с какою начинкою испечь кулебяку, какую подать закуску, водку и наливку. Вместе с тем она распорядилась также, чтобы вся дворня, кроме, конечно, кухарки, всенепременно присутствовала на молебне. Приказывать об этом было совершенно напрасно, ибо дворня, перепуганная событиями последних дней, даже роптала, что Анфиса Ивановна, спятившая, как видно, с ума, до сих пор не догадывается отслужить молебен с водосвятием.

Отдав все эти приказания, Анфиса Ивановна умылась, оделась и принялась за утреннюю молитву. Однако молитву эту, в виду предстоявшего молебна, она значительно сократила и поспешила за чай, так как вчера с перепугу она легла без ужина. За чаем, который ей был подан в спальню Дарьей Федоровной, Анфиса Ивановна взяла было чепчу-минью, но, разыскав святого, приходившегося на этот

день, махнула рукой и закрыла книгу.

– Не люблю я этого, – проворчала старушка и сделала какую-то недовольную гримасу.

– Кого это, матушка? – любопытствовала Дарья Федоровна.

– Да вот святого-то нынешнего. Уж такая-то рохля, прости господи... читать тошно... Принеси-ка лучше крендельков да сухариков. Смерть как есть хочется...

Когда Анфиса Ивановна, накушавшись чаю, вышла в залу, там все уже было готово. В переднем углу стоял стол, накрытый белой скатертью, и на столе старинные иконы в золотых и серебряных ризах. Перед иконами возвышалось несколько восковых с золотом свечей и тут же каменная помадная банка с душистым ладаном. Немного отступя от этого стола был поставлен другой, ломберный, но уже без скатерти; стол этот предназначался дьячкам для «возложения» книг. В той же комнате, вдоль стены, отделявшей залу от гостиной, красовался третий стол, опять-таки накрытый белой скатертью, с расставленными на нем графинчиками, бутылками и обильной закуской. Тут были: отварные и соленые груздочки, маринованные опеночки, заливной судак, отварные рачьи шейки в масле, домашний сыр и колбаса, окорок сочной розовой ветчины, копченые гуси и утки и кусок желтого сливочного масла. Виноградных вин не было, так как Анфиса Ивановна никогда ничего не покупала, зато была зорная водка, тминная, листовка, полынная, рябиновая и затем такие на-

ливки и запеканки, каких нигде нельзя было встретить. От стола этого распространялся по комнате до того раздражающий аромат, что Анфиса Ивановна положительно не отходила от него и видимо соблазнялась чего-нибудь покушать. Она даже взяла было на вилку один груздочек, но вошедший в эту минуту Потапыч остановил ее.

– Оставьте, что вы это! – проговорил он: – как не совестно! Путем еще лба не перекрестили, а уж закусывать собрались!.. Что вы, маленькая, что ли...

Вбежала Мелитина Петровна в шляпке и с зонтиком и, увидав стол с образами, спросила:

– Что это? молиться собираетесь?

– Да, молебен отслужить хочу. Только вот попы долго не едут... Этот отец Иван всегда точно медведь копается.

– По какому же случаю молебен-то?

Но по какому именно случаю служится молебен, Анфиса Ивановна племяннице не сообщила и даже не упомянула о крокодиле, ибо вчера еще оскорбилась на нее за то, что, вместо успокоительного слова, та только расхохоталась, глядя на ее свалившуюся шляпку и тащившуюся по полу шаль. Старушка посоветовала только племяннице избрать для купанья какое-либо другое место, а лучше всего обливаться водой в бане. Мелитина Петровна спросила о причине и, узнав, что причиною являлся все тот же злосчастный крокодил, расцеловала тетку, назвала ее трусихой и объявила, что таких крокодилов она не боится и если бы захотела, то давно бы пой-

мала его за хвост.

– Но дело не в крокодиле, – прибавила она: – а вот в чем. Вы, тетушка, позвольте мне уйти от молебна?

– Ступай, матушка, сделай милость...

– Я бы очень охотно осталась, тетя, помолилась бы вместе с вами, но посмотрите – вон ведь сколько...

И Мелитина Петровна показала Анфисе Ивановне целую кипу запечатанных писем.

– Царь небесный! – вскрикнула та: – когда это успела ты!

– Всю ночь писала, а теперь бегу на почту, отправить надо... – И она принялась целовать старушку.

– Будете молиться, вспомните и меня грешную! – прибавила она: – а вечером я прочту вам роман «Всадник без головы»...⁸

– Прочтем...

– Так до свиданья, милая, дорогая...

Анфиса Ивановна головой покачала.

– Вы что это головкой-то качаете, а?

– Да на тебя глядя...

– Что такое?

– Все-то у тебя *трын-трава!*.. Словно кипяток какой-то! Словно порох...

– Молодость, тетушка; ничего не поделаешь!..

– Все бегом, как на почтовых...

– Жизнь-то коротка, мешкать некогда...

⁸ «Всадник без головы» – роман Майн-Рида (1818-1883).

– Словно тебя погоняют...

– Нет, тетенька, сама тороплюсь...

– Ну, беги, беги, господь с тобой!.. А лучше было бы, если б лошадей запречь приказала да на дрогах бы поехала.

– Покуда ваш кучер соберется лошадей-то закладывать, уж я в Рычах буду, тетенька милая!

И она снова расцеловалась с Анфисой Ивановной, а немного погодя шла уже по двору, красиво подобрав юбку и давая возможность желающим вдоволь налюбоваться и на щегольски обутую ножку и на телесного цвета прозрачный чулок...

А Анфиса Ивановна тем временем опять было подошла к столу и опять было взялась за вилку, да Потапыч снова помешал ей.

– Да погодите же, говорят вам, – проворчал он: – что это за наказание!..

Анфиса Ивановна послушно положила вилку и, чтобы не соблазняться, принялась ходить из угла в угол.

XI

Услыхав от Мелитины Петровны, что если бы та захотела, то давно бы поймала крокодила, старушке пришло в голову послать за г. Знаменским и посоветовать ему обратиться за помощью к Мелитине Петровне, тем более что не далее как вчера г. Знаменский прочел ей письмо, в котором за доставку крокодила ему обещали громадные деньги. Но только что хотела она послать за г. Знаменским, как тот вошел с целою кипой газет подмышкой.

Это был мужчина лет тридцати, высокий, длинный, со впалую грудью, зеленый, худой, с чрезвычайно болезненным видом и с глазами, похожими на глаза соленого леща. Платье сидело на нем как на вешалке, а так как он ходил с какою-то перевалкой, то фалды сюртука его раскачивались свободно направо и налево. Он был в крайне раздраженном состоянии, отчего и без того уже болезненное лицо его, со впалыми щеками и шишковатыми скулами, имело вид совершенно мертвого человека.

Извинившись перед Анфисой Ивановной, что беспокоит ее своим посещением, он объяснил, что, шатаясь с утра по берегам реки Грачевки, решился зайти к ней и немного отдохнуть. Проговорив это, он сильно закашлялся и добавил, что очень устал, а главное, раздражен всеми теми нелепостями, которыми наполняются в настоящую минуту газеты

по поводу крокодила. Проговорив это, он с досадой швырнул газеты и, совершенно изнеможенный, опустился в кресло. Анфиса Ивановна очень обрадовалась приходу г. Знаменского и передала ему немедленно слова Мелитины Петровны. Но г. Знаменский не обратил даже внимания на рассказанное Анфисой Ивановной и заметил только, что у Мелитины Петровны завидный характер, ибо она надо всем шутит и смеется; что о поимке крокодила не заботится, так как крокодил, как только получатся им книги от Вольфа, будет всенепременно пойман. Но его бесит одно только, что газеты точно сговорились и доказывают, что в Грачевке не крокодил, а какая-то гигантская змея, и что такое нахальство подмывает его ехать в Москву и в Петербург для личных объяснений с авторами этих недобросовестных статей. Затем он опять закашлялся и немного погодя, отдохнув от кашля, высказал свое глубокое презрение к тем людям, которые так легко относятся к печатному слову и ради какого-то глупого гаерства затемняют истину искажением фактов.

Затем Анфиса Ивановна сообщила ему, что, по словам Ивана Максимовича, крокодилов не один, а двадцать, что все они прибыли из Петербурга кургузые, а один без хвоста. Услыхав это, г. Знаменский от души расхохотался и объяснил старухе, что крокодил только один, за это он ручается, а что Иван Максимович, употребляющий в своих разговорах разные глупые прибаутки, весьма часто ни к селу ни к городу говорит и о «кургузых волках» и «с волком

двадцать». Вспомнив действительно поговорки Ивана Максимовича, Анфиса Ивановна немало удивилась, что вчера, встретившись с ним, забыла совершенно про его манеру говорить. Г. Знаменский успокоил Анфису Ивановну и тем еще, что если она не будет ходить на реку и в камыши, а ограничится прогулками по саду и по дому, то ей нечего опасаться быть проглоченною крокодилом, так как животное это ни в сад, обнесенный забором, ни в дом никоим образом не пойдет. После этого, собрав все свои газеты, г. Знаменский распрощился с Анфисой Ивановной и, повторив еще раз, что крокодил его рук не минует, зашагал по дороге, ведущей в село Рычи.

XII

Посещение это подействовало на Анфису Ивановну несравненно благотворнее каплефельдшера Нирыюта, и она, видимо, успокоилась, узнав, что «тварь» эта не может пробраться ни в дом, ни в сад. «Фигура-то, выходит, не больно важная!» – думала она и, придя к таковому заключению, чувствовала, что аппетит ее разыгрывался все более и более, а по мере того как разыгрывался аппетит, усиливалось и негодование ее на медленность попов.

– Ведь это черт знает что такое, прости господи! – ворчала она, посматривая на часы, показывавшие половину одиннадцатого. Раза два она высылала даже Потапыча на крыльцо. – Выдь, погляди, пожалуйста, – говорила она ему: – не видать ли шутов-то этих...

Потапыч выходил на крыльцо, прикладывал ко лбу ладонь козырьком, смотрел на дорогу и, возвратившись, объявлял преспокойно:

– Нет, не видать никого.

Наконец приехали и попы.

– Насилу-то, – вскрикнула Анфиса Ивановна, увидав в окно тележку, нагруженную попами и толстыми церковными книгами, поверх которых торчала водосвятная чаша с привязанным к ней кадилом. В передней завизжал дверной блок и затопало несколько сапог. Расчесав волосы и бороду и стрях-

нув рукою пыль с рясы, отец Иван вошел в залу и чинно стал молиться на иконы.

– Ты, видно, совсем с ума спятил? – проворчала Анфиса Ивановна, сложив руки и подходя под благословение.

– Как так! – удивился отец Иван, осеняя старушку большим крестным знамением.

– Просила в девять, а теперь одиннадцать скоро... – И вслед за тем она прибавила гневно: – Да ну же, начинай, что ли! Чего на часы-то глаза вылупил! Тошнит даже...

– Начать-то я начну сейчас, – проговорил отец Иван, вынимая из кармана требник: – только затрудняюсь я, какую именно молитву прочесть...

– Что? аль в городе-то перезабыл все?

– Не перезабыл, а молитв на этот случай подходящих нет. Только и нашел одну, от гад... Например, когда крыса в кадушку с огурцами ввалится или в горшок с молоком...

– Какая же это крыса! – перебила его Анфиса Ивановна: – даже и сходства нет никакого!..

– Сходства, точно, нет, но... тоже ведь гад!..

– А других, более подходящих, нет?

– То-то ведь и горе-то, что нет! – чуть не вскрикнул отец Иван и затем прибавил нерешительно: – разве ту, которую в крымскую кампанию читали...

Анфиса Ивановна даже руками замахала.

– Придумал! нечего сказать, – проговорила она. – Рад, что за молитву эту медный крест себе на шею получил, и готов

теперь совать ее повсюду.

– Ну, более нет никаких...

– А вот как ты сделай, – перебила его Анфиса Ивановна: – ты молитву-то о крысах читай, только вместо крысы называй крокодила.

– Да ведь там, в молитве этой, о крысах-то и не упоминается даже, а просто вообще о гадах говорится... Вот, например, как-то недавно к одному мужичку в колодезь кошка попала, приглашал нас тоже... Я ту же самую молитву о гадах и прочитал... Одно только, – прибавил отец Иван, вздохнув, – чин-то слишком продолжительный, утомитесь, пожалуй.

– А как это делается?

– А вот извольте ли видеть как, – проговорил он и, отыскав в требнике нужную молитву, прочел следующее: «Чин бываемый, еще случится чесому скверному впасти в кладезь водный».

– Ну, ну! – торопила его Анфиса Ивановна, соображая, что молитва эта и в самом деле подойдет как нельзя лучше, ибо в ней именно и говорится о гадах, попавших в воду. – Ну, ну!..

– «Подобает первее, – начал снова отец Иван: – вычерпать из кладезя кадей сорок и изъяти вон. Таже возжег священник свещи, и взял кадильницу, кадит окрест кладезя. Таже влагает воду святых богоявлений крестовидно трижды. И тако, став к востоку, молится...»

– Это подойдет! – порешила Анфиса Ивановна.

– И я тоже думаю! – заметил отец Иван.

– Отлично! – перебила его Анфиса Ивановна: – а чтобы все это не так долго тянулось, так мы так сделаем. Ты будешь молебен служить, а я тем временем велю рабочим поскорее из реки сорок кадушек воды вылить, и к концу молебна у нас все будет готово. Можно так?

Отец Иван пожал плечами.

– Отступление будет! – проговорил он: – но... принимая в соображение преклонность лет ваших, слабость сил... Полагаю, что особенного греха не будет...

– Ну, конечно! – проговорила совершенно уже довольная Анфиса Ивановна и, поблагодарив отца Ивана пожатием руки, поспешила отдать нужные распоряжения. Когда же она снова вернулась, отец Иван спросил ее, указывая рукой на стол с иконами:

– Дозволите приступить?

– Еще бы, конечно...

XIII

Ввалили дьячки, в том числе и пономарь с оборванной косичкой, и, поклонившись издали Анфисе Ивановне, стали на свои места. Вошел церковный сторож с узлом и, развязав зубами этот узел, вынул из него епитрахиль, ризу и подал то и другое отцу Ивану. Дворянка вошла гурьбой, на цыпочках, и, скучившись в заднем углу зала, принялась креститься и вздыхать. Дьячки откашливались и плевали на пол. Потапыч заметил это, подошел к одному из них и толкнул его кулаком под ребра. «Чего харкаешь-то!» – проворчал он. И снова возвратился на свое место. Наконец отец Иван облачился, выправил волосы, обдернул руку, – и молебен начался.

Анфиса Ивановна, поместившаяся в дверях, ведущих из залы в гостиную, опустилась на колени и вся превратилась в молитву. Не менее усердно молилась и собравшаяся дворянка. Драгун Брагин, надевший по случаю молебна сильно развалившийся мундир свой, украшенный знаками неувядаемой военной доблести, счел нужным стать впереди всех, рядом с приказчиком Зотычем. Точно так же приоделись и все остальные, а в особенности женщины. Все эти старушки сморщенные были в коленкоровых белых чепцах, в таких же косынках и передниках, в темных ситцевых платьях, стояли на коленях и усердно молились. Молебен шел торжественно. Отец Иван громко подпевал дьячкам и еще громче де-

лал возгласы. Когда же приходилось читать *тайные молитвы*, он низко преклонял голову, и тогда по всей комнате воцарялась такая тишина, что можно было слышать полет мухи. Во время евангелия, которое отец Иван читал, обретаясь к молившимся, Анфиса Ивановна и вся дворня приблизились к священнику и прослушали чтение с наклоненными головами. Затем, приложившись по очереди к евангелию, все чинно разместились по прежним местам.

Наконец молебен кончился, водосвятие было совершено, и все отправились на реку. Во главе процессии шел отец Иван в облачении и с крестом, за ним дьячки с чашей, наполненной святой водой, а потом Анфиса Ивановна и вся дворня. Шествие на реку до того благотворно повлияло на все население грачевской усадьбы, до того утешило и успокоило всех молившихся, что все они, несмотря на дряхлость лет, словно воскресли, словно ожили и бодро следовали на место молитвы. Только одна Анфиса Ивановна, утомленная продолжительным стоянием на коленях, а пуще всего обесилевшая от голода и бессонно проведенной ночи, едва тащила ноги. Отец Иван уговаривал было старушку не «утруждать себя», справедливо поясняя, что, молящихся достаточно и без нее, но, подозревая, как бы отец Иван чего-нибудь не «сфинтил» и не «скомкал бы» молитв с целью добраться поскорее до закуски, она решила следовать непременно за процессией и лично наблюсти, чтобы все было выполнено по указанию требника. На реке между тем все уже было го-

тово. Рабочие успели вычерпать сорок кадушек воды и развели такую грязь, что отцу Ивану и дьячкам пришлось стоять в ней чуть ли не по колени. Затеpliant свечи и раздав их молящимся, отец Иван провозгласил:

– «Господу помолимся!»

– «Господи помилуй!» – подхватили дьячки, и отец Иван начал читать молитву.

Когда все было кончено и когда святая вода была вылита в реку, Анфиса Ивановна подошла украдкой к пономарю с оборванной косичкой и шепотом спросила:

– Где же это он тебя *прищучил-то*?

– А вот здесь, на этом самом месте, – ответил пономарь и указал пальцем на обрывистый берег, покрытый камышами,

– Здесь?

– Да, здесь... Так из-под кручи-то и выхватил!

– За косичку? – спросила Анфиса Ивановна.

– За косичку... Уцепил, значит, и выхватил...

– И ты видал его?

– Ну где же видать, коли у меня тут же память отшибло!

Анфиса Ивановна вздохнула, покачала головой и отошла от пономаря.

В домике Анфисы Ивановны все приняло праздничный вид. Словно пасху праздновали. Успокоенные и согреты молитвой, обитатели его, не снимая с себя праздничных нарядов, видимо ликовали. Они даже перестали не только говорить, но даже и думать о тех ужасах, которыми заняты бы-

ли предшествовавшие дни. Все они разбрелись по своим углам, зашипели приветливо самовары, и, сидя вокруг самоваров этих, старушки и старички, словно малые дети, принялись праздновать свое успокоение. А солнце между тем так и обливало теплом и светом ветхий домик Анфисы Ивановны, утонувший в зелени сада, приветливо заглядывало в его маленькие Окна, согревало и ласкало всю усадьбу, и сад, и огороды, и зеркало реки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.